

Услышав эти слова, все присутствующие, за исключением разве что Сяо Цзиня, замерли в недоумении. Никто не мог взять в толк, с чего бы Сяо Хуаю в своем предсмертном указе так заботиться о дальнейшей судьбе мужчины-наложника. Да, Шэнь Юйхэн был в фаворе, но за долгие годы император взял себе не одну супругу, и милость, оказанная Шэнь Юйхэну, не была чем-то из ряда вон выходящим. Впрочем, эта мысль лишь на мгновение задержалась в умах сановников и тут же забылась. Самым главным в завещании оставался вопрос, которого Сяо Хуай всегда избегал, но который волновал всех больше всего — вопрос престолонаследия.

Девятый принц и впрямь взойдет на трон! Даже в глазах неизменно бесстрастных воинов-смертников мелькнула скрытая радость. Сяо Цзинь наконец-то станет императором. От далеких, гибельных приграничных пустошей до сияющего Драконьего трона в столичном дворце; от изможденного, брошенного всеми ребенка до правителя, возвышающегося над мириадами подданных, — сердца воинов ликовали.

Лишь Чэн Сяо заметил, как на долю секунды взгляд Сяо Цзиня потемнел и стал по-настоящему мрачным.

Тем временем Фан Цин продолжил чтение:

— «...Унаследовав престол, принц Цзинь обязан свято исполнять свой долг, продолжать мудрый путь правления Великой Чжоу, беречь столетнее наследие предков, вести империю к процветанию и оберегать от внешних угроз. Такова моя последняя воля, да исполнят ее потомки».

Едва старый евнух произнес последнее слово, преисполненный трепета и волнения, как Сяо Цзинь вдруг холодно подал голос. Он потребовал еще раз проверить подлинность указа. Фан Цин и несколько высших сановников тут же засуетились. Секретные печати и особые метки Сяо Хуая были на месте — никаких изъянов, как и показалось им при первом осмотре.

Слегка поклонившись, Фан Цин произнес:

— Ваше Высочество, это действительно предсмертный указ покойного императора. В этом нет никаких сомнений.

Старик с благоговением поднял руки, поднося свиток новому владыке Поднебесной. Со всех сторон раздался слаженный хор голосов: «Поздравляем Ваше Высочество!»

Однако Сяо Цзинь почему-то медлил, не спеша принимать свиток из рук евнуха. Сердце Чэн Сяо тревожно екнуло. Он поспешно выступил вперед, принимая указ вместо принца, и быстро проговорил:

— Ваше Высочество, несколько министров уже ожидают во дворце. Ваш покорный слуга доставит им указ, чтобы они могли как можно скорее подготовить официальный эдикт.

— Хорошо, — коротко бросил Сяо Цзинь. Его лицо оставалось столь же холодным и отстраненным, как и всегда. Ничто не выдавало в нем волнения.

Чэн Сяо беззвучно отступил, но краем глаза успел заметить смятую, сломанную пополам золотую шпильку в виде лотоса в руке принца, а также капли алой крови, упавшие на пол. У воина внутри всё похолодело. Он служил Сяо Цзиню дольше всех и прекрасно знал, сколько крови и пота пролил этот юноша ради заветного трона. Он шел к нему по дороге, вымощенной костями, где один неверный шаг превратил бы его самого в бесславный труп.

Чэн Сяо мысленно вздохнул, надеясь, что он просто накручивает себя. Разве мог человек вроде Сяо Цзиня, привыкший играть чужими судьбами как пешками, отказаться от уже завоеванной власти ради какого-то наложника? Но если в то короткое мгновение принц действительно заколебался из-за Шэнь Юйхэна...

Пока Чэн Сяо терзался сомнениями, вперед шагнул молодой смертник. Не в силах сдержать эмоций, он выпалил:

— Мои поздравления, Ваше Высочество!

А затем добавил:

— Ваше Высочество, не прикажете ли перевести того человека из Холодного дворца в Лotosовый павильон?

Смертник рассудил просто: если Сяо Цзинь пошел на братоубийство из-за этого юноши, значит, их связывает нечто особенное.

Вот только ожидаемого одобрения на лице принца он не увидел. Ледяной воздух, пропитанный ароматом лотосов, пронизывал до костей. Юный принц, перебирая в ладони окровавленные обломки шпильки, бросил на воина мрачный, леденящий душу взгляд.

Молодой смертник невольно содрогнулся. Хоть он и прослужил Сяо Цзиню меньше двух лет, он уже видел этот взгляд... Так принц смотрел на отработанный материал. Если бы рядом не стояли Фан Цин и министры, Сяо Цзинь без колебаний убил бы его прямо на месте.

Пока парень стоял в оцепенении, кто-то грубо оттолкнул его в сторону. Чэн Сяо сквозь зубы прорычал:

— Не твоего ума дело! Пошел вон!

Бросив на товарища благодарный взгляд, молодой воин поспешно ретировался. К счастью, Сяо Цзинь промолчал. Чэн Сяо облегченно выдохнул. Он уже собирался отойти, как вдруг услышал ледяной голос принца:

— Ты тоже считаешь, что я должен забрать его оттуда?

Чэн Сяо помолчал несколько секунд, прежде чем ответить:

— Чтобы доказать законность вашего восшествия на престол, Ваше Высочество, лучше всего обнародовать завещание покойного императора. Это убедит всех сомневающихся. Если же в период траура вы из-за супруга Шэня пойдете наперекор последней воле государя, это неминуемо вызовет кривотолки...

— А кто сказал, что я собираюсь идти наперекор воле отца?

— Прошу прощения за дерзость, — тут же склонил голову воин.

Сяо Цзинь тихо усмехнулся. Шэнь Юйхэн сможет поселиться в Лotosовом павильоне только в одном случае: если кто-то докажет, что он не убивал Сяо Хуая. Сейчас, запертый в Холодном дворце, он, должно быть, умирает от страха... Единственный человек, на которого Шэнь Юйхэн теперь может опереться — это он, Сяо Цзинь.

Принц раскрыл ладонь и кончиком ножа подцепил застрявший в плоти золотой осколок. На его

губах медленно расцвела мрачная, зловещая улыбка.

Глубокая ночь. В военном лагере за пределами столицы ярко горели факелы. В одном из шатров командиры не смыкали глаз, ведя напряженный совет. Внезапно внутрь ворвалась чья-то фигура. Солдат торопливо опустился на колени и доложил:

— Генерал Сун, нападение с тыла! Противников около полусотни, из них двадцать лучников, остальные пехота!

Генерал Сун резко вскинул голову. Его глаза были красными от недосыпа. Поспешно надевая доспехи, он грязно выругался:

— Будь прокляты эти мятежники! Словно крысы! По десять раз за ночь нападают, никаких сил уже нет!

Остальные военачальники в шатре выглядели не лучше. После того как мятежники снялись с места, их главная ставка постоянно перемещалась, становясь совершенно неуловимой. Императорским войскам приходилось не только вслепую искать вражеский лагерь, но и постоянно отбиваться от мелких вылазок. А в последние дни мятежники словно с цепи сорвались, бросив все силы на изматывающие ночные атаки.

Только за прошлую ночь лагерь подвергся девятнадцати большим и малым нападениям. За несколько дней такой пытки нервы у всех были на пределе, а силы таяли на глазах. Генерал Сун уже схватил свое копье и направился к выходу, когда на его плечо легла тяжелая рука. Обернувшись, он увидел Шэнь Юньцзина, тоже в полном вооружении.

— Иди отдохни. Я подменю тебя, — сказал Шэнь Юньцзин.

Гордость не позволила генералу Суну согласиться, и он хотел было наотрез отказаться, но Шэнь Юньцзин уже шагнул за порог. Его спина была непреклонна, как скала. Суну ничего не оставалось, кроме как остаться в шатре.

Едва он вернулся на свое место, как сверху раздался легкий, звонкий смех.

— Юэ Фэн, чего смеешься? — недовольно буркнул генерал Сун.

Юэ Фэн смерил его пренебрежительным взглядом и с насмешкой бросил:

— Ради кучки оборванцев не стоило беспокоить генерала Шэня. Никак вы решили отлынивать от работы, генерал Сун?

Генерал Сун, на чьи плечи в последние дни легла основная тяжесть отражения ночных атак, неловко потер нос и лишь фыркнул в ответ. Сидевший неподалеку Юэ Линь, не отрываясь от изучения перехваченных вражеских писем, спокойно произнес:

— Пусть генерал Сун переведет дух. Мятежники слишком уж активны в последние пару дней. Боюсь, они что-то замышляют.

— Да пусть стараются, толку-то, — отмахнулся Юэ Фэн. — Сяо Ци не из тех, кто способен выигрывать войны. А простому народу вообще плевать. Что Сяо Ци, что Сяо Цзинь — кто сядет на трон, тот и император, разницы никакой.

Юэ Линь поднял глаза и одарил брата предупреждающим взглядом:

— В последнее время твой язык стал слишком уж распущенным.

Юэ Фэн с улыбкой отвернулся и послушно умолк. Юэ Линь со вздохом подозвал остальных командиров к столу, чтобы обсудить дальнейшие действия.

За разговорами незаметно пролетел почти час, а Шэнь Юньцзин всё не возвращался. Вылазки мятежников всегда были лишь видимостью угрозы: много шума и никакой реальной опасности. С ними справился бы и отряд зеленых новобранцев. Почему же Шэнь Юньцзин застрял там так надолго? Заподозрив неладное, Юэ Линь отправил Юэ Фэна проверить, в чем дело.

Однако, стоило юноше выйти, как он заметил из-за угла Шэнь Юньцзина в сопровождении какого-то мужчины. Лица у обоих были донельзя мрачными. Этот человек... Разве это не повеса — второй молодой господин семьи Шэнь? Что он забыл в военном лагере?

Почуввав неладное, Юэ Фэн бесшумной тенью скользнул за ними. Держась на почтительном расстоянии, он увидел, как двое скрылись в пустом шатре. Вскоре оттуда послышались звуки ссоры. Судя по всему, второй господин Шэнь рвал и метал. Юэ Фэн подобрался поближе.

Изнутри донесся спокойный, сдержанный голос Шэнь Юньцзина:

— Я не могу вернуться.

— Не можешь?! А как же наш Сяо Юй?! — Голос Шэнь Тинланта сорвался на возмущенный крик. — Император мертв! Этот ублюдок Сяо Девятый подставил Сяо Юя, его голова теперь висит на волоске! У меня при дворе нет никакого веса, только ты и отец можете его спасти! Но отец, как узнал об этом, слег с болезнью...

Привычно спокойное лицо Юэ Фэна вытянулось от изумления. Он не мог поверить собственным ушам. В шатре повисла короткая пауза, после которой Шэнь Юньцзин произнес тяжелым басом:

— В таком случае я тем более не могу уехать. До церемонии коронации останется около десяти дней. Мятежники только и ждут этого момента. Они обязательно нанесут удар до того, как девятый принц взойдет на престол. Если я покину лагерь в столь критический момент... Но если я добуду военную славу, у Сяо Юя появится шанс.

— Ты... — голос Шэнь Тинланта разом растерял весь свой пыл. После долгого, тягостного молчания он с горечью бросил: — Хватит. Я сам найду способ его спасти!

С этими словами второй господин семьи Шэнь широким шагом вышел из шатра. Его спина казалась сгорбленной от усталости.

Юэ Фэн стоял как громом пораженный, словно только что очнулся от долгого сна. Спустя несколько секунд оцепенения он хотел было незаметно улизнуть, но нос к носу столкнулся с выходящим Шэнь Юньцзином. Генерал Шэнь тоже на мгновение опешил. Но быстро взяв себя в руки, он велел юноше встать смирно и суровым тоном приказал держать язык за зубами.

Юэ Фэн торопливо закивал и поспешил сменить тему:

— Мятежники точно что-то замышляют. Эти постоянные ночные атаки нужны им лишь для того, чтобы измотать нас перед решающим ударом.

— Верно, — Шэнь Юньцзин чуть прищурился, вглядываясь в очертания гор. И хотя тактика врага была прозрачной, на душе у него было тревожно. Пусть Сяо Ци и проиграл Сяо Цзиню первый раунд, он был далеко не глуп и прекрасно понимал: тех жалких сил, что у него остались, не хватит, чтобы сорвать коронацию.

Генерал потер переносицу; между его бровей залегли глубокие морщины от постоянных забот. Глядя на него, Юэ Фэн открыл было рот, но, поразмыслив, проглотил готовые сорваться с языка слова. А ведь он хотел сказать Шэнь Юньцзину... что если девятый принц взойдет на престол, с Шэнь Юйхэном ничего не случится.

Он до сих пор ясно помнил ту ночь в монастыре Ванъюнь. Как он подглядывал и видел залитого лунным светом юношу, в исступлении срывающего с Шэнь Юйхэна одежды; как тот вымещал свою неконтролируемую, безумную жажду обладания, силой вторгаясь в тело спящего человека. И к своему собственному удивлению, Юэ Фэн отчетливо помнил выражение лица Шэнь Юйхэна: искаженное от боли, но в то же время тонущее в порочном наслаждении...

Юноша невольно коснулся своих щек и шеи. Кончики его ушей почему-то запылали.

Холодный дворец.

Шэнь Юйхэн, свернувшись калачиком, забился в угол кровати. Впрочем, назвать это ложем было бы сильным преувеличением — просто кусок ледяного, грубо отесанного дерева. Что до матраса или одеяла, то как Шэнь Юйхэн ни старался, в этой дыре не нашлось ничего хотя бы отдаленно напоминающего уют. Ему оставалось лишь лежать на голых досках, зажмурив глаза и отчаянно пытаться заснуть.

Его нежная, привыкшая к шелкам кожа быстро покрылась красными ссадинами от жесткого дерева. Поначалу он думал, что хуже уже быть не может, пока не понял, что сознание начинает мутиться, а дыхание становится обжигающе горячим.

[Хозяин, вы заболели], — подала голос Система.

Он дотронулся до лба — и впрямь, жар. Несколько мгновений Шэнь Юйхэн смотрел в пустоту остекленевшим взглядом, а затем снова прикрыл веки. Даже если позвать лекаря Сюя, нужен кто-то, кто сходит за ним. Но сейчас на Шэнь Юйхэне висело столь чудовищное обвинение, что Сюй наверняка не отважится его лечить. Да и посыльного в этом проклятом месте днем с огнем не сыщешь.

Лучше уж побережь силы и попытаться уснуть.

В полубреду он провалился в небытие. Он не знал, сколько прошло времени, когда вдруг сквозь горячечную пелену почувствовал, как чьи-то руки отрывают его от жестких досок. Незнаемый приложил ладонь к его пылающему лбу и, словно обжегшись, недовольно цокнул языком. Шэнь Юйхэну показалось, что он уже где-то слышал этот звук.

Мгновение спустя этот человек молча распахнул его одежды и принялся водить ледяными руками по его разгоряченному телу. *Извращенец!* Если бы Шэнь Юйхэн был в ясном уме, он бы ни за что не позволил какому-то негодяю так нагло пользоваться своим положением. Но ему было так плохо...

Прохладные пальцы, хоть и неловко, блуждали по его коже, забирая часть мучительного жара.

Дышать действительно стало чуточку легче. Правда, движения были настолько скованными и неумелыми, что сразу становилось ясно: этот человек отродясь ни за кем не ухаживал.

Веки Шэнь Юйхэна дрогнули, и в ту же секунду руки незнакомца замерли, а затем поспешно отстранились.

Казалось, он испугался. Испугался того, что Шэнь Юйхэн откроет глаза и увидит, кто перед ним.

<http://bllate.org/book/17965/1736081>